

БОЛТИНСКОЕ ИЗДАНИЕ ПРАВДЫ РУССКОЙ

А. Л. Никитин

Для русской исторической науки XVIII век явился своего рода «эпохой великих открытий». Не случайно основная масса исторических изданий, появившихся во второй его половине, оказывается публикацией источников, то есть археографическими работами. После того, как Петр I в 1697 г. на пути в Голландию познакомился с Радзивилловской (Кенигсбергской) летописью, а 16 февраля 1722 г. был издан указ о присылке в Синод из епархий и монастырей бумажных и пергаментных летописей и хронографов (аналогичный указ последовал 11 августа 1791 г.), параллельно с накоплением памятников древней письменности в частных библиотеках и в государственных хранилищах идет их издание, перевод и осмысление.

Знакомясь с этими изданиями, нельзя не отметить безукоризненное чутье первых российских историков и археографов, отбиривших из множества открываемых документов (как бы в предчувствии дальнейших утрат) памятники первоочередной важности, составившие золотой фонд источников по русской истории. Достаточно назвать такие летописи, как Новгородская Первая, Радзивилловская, Никоновская, Царственный летописец, Степенная книга царского родословия, книги разрядные, родословные, судебники, книга Большому чертежу, грамоты духовные, договорные, купчие, стайные списки, не говоря уже о многом другом. Среди них особое место занимают несколько памятников, в издании которых по праву можно видеть итог русской археографии XVIII века. Это Правда Русская, изданная в 1792 г., Поучение Владимира Мономаха и, наконец, Слово о полку Игореве¹, как бы венчающее собой все предыдущие открытия.

На титульном листе Правды Русской указывалось, что издание осуществлено «любителями отечественной истории». Трое из них известны достаточно хорошо: писатель и переводчик И. П. Елагин, генерал-майор И. Н. Болтин и обер-прокурор Святейшего Синода, впоследствии граф, А. И. Мусин-Пушкин. Можно довольно точно восстановить участие каждого из них в издании. Так, в качестве единственного подготовителя текста, переводчика и комментатора Правды Русской И. П. Елагин называет И. Н. Болтина, «который един по отменному знанию

¹ «Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С предложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. Печатаны в типографии Святейшаго Правительствующаго Синода. 1792 года» (далее — «Правда Русская, 1792 г.»); «Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. В Санктпетербурге, Печатано в Типографии Корпуса Чужестранных Единоверцев 1793 года»; «Ироническая песнь о походе на половцев удельного князя новгорода-северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с предложением на употребляемое ныне наречие. Москва в Сенатской Типографии, 1800».

русской истории, к изданию упрощен был и трудился»². Свидетельство это подтверждается наблюдениями над языком и стилем примечаний к изданию 1792 г., столь схожих с сочинениями Болтина³ и столь отличных от языка и стиля Мусина-Пушкина⁴. Сам Елагин, как можно думать, ограничивался лишь ролью вдохновителя и собеседника. Что касается Мусина-Пушкина, то он предоставил в распоряжение Болтина не только свою обширную библиотеку и рукописи, поступавшие из монастырей в Синод⁵, но также и подведомственную ему синодальную типографию с церковнославянским шрифтом и из личных средств оплатил все издержки по изданию⁶.

Болтину-историку посвящено значительное количество работ⁷; гораздо меньше известно о Болтине-археографе, хотя и этот пробел заполнен теперь работой А. Т. Николаевой. Читатель найдет там отзывы о Болтине и его работах таких историков, как С. М. Соловьев, М. И. Сухомлинов, В. О. Ключевский, В. С. Иконников и др., подчеркивавших глубочайшее уважение Болтина к факту, документу и даже букве его. Поэтому не вызывает удивления и отзыв о И. Н. Болтине А. Т. Николаевой, которая пишет, что «характерной особенностью Болтина, как археографа, является чрезвычайно бережное отношение к публикуемому источнику, стремление донести его до читателя в неприкосновенности»⁸.

Однако в нашей литературе до сих пор существует и противоположная точка зрения на Болтина, в том числе на осуществленное им издание Правды Русской. Об этом еще раз напомнил в 1960 г. С. Н. Валк, по мнению которого текст издания 1792 г. является компиляцией из восьми списков, находившихся в руках издателей, и в основу его положен не хартеиный (пергаментный), как указано в предисловии (за который вначале принимали Пушкинский список), а бумажный, Воскресенский, по предположению Валка находившийся в Синоде в конце 1791 года. Соответствующим образом ученый представляет и работу Болтина над текстом. Так, рассматривая в качестве примера первую статью Правды Русской в издании 1792 г., С. Н. Валк приходит к выводу, что она является «склежкой того, как она читается в Краткой Правде, с тем, как она читается в Пространной Правде». Метод же, по его мнению, следующий: «Болтин не только по своему разумению соединяет в одно целое разнородные по своему происхождению части текста, но и то, что дошло в исправном, казалось бы, виде, подвергает критике с точки зрения своего понимания и соответственно этому правит текст»⁹. Отказывая Болтину в самой возможности исторического

² И. Елагин. Опыт повествования о России. Кн. 1. М. 1803, стр. 446.

³ «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклера, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным». Тт. 1—II. СПб. 1788; «Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории». СПб. 1789; «Критические примечания генерал-майора Болтина на Историю князя Щербатова». Тт. 1—II. СПб. 1793.

⁴ Например: «Историческое исследование о местоположении древняго российского Тмутараканскаго княжения. Издано по Высочайшему ея императорскаго величества повелению. В Санктпетербурге, Печатано в Типографии Корпуса Чужестранных Единоверцев 1794 года»; «Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича... 1793 года». Предупреждение.

⁵ «Правда Русская, 1792 г.», Предисловие, стр. 1.

⁶ «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800», Т. II. М. 1964, стр. 460, № 5590; т. V, М. 1967, стр. 297, № 5590.

⁷ В. С. Иконников. Болтин И. Н. «Русский биографический словарь». Том «Бетанкур-Бякстер»; В. О. Ключевский. И. Н. Болтин (В. О. Ключевский. Соч. Т. 8. М. 1959), и др.

⁸ А. Т. Николаева. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина. «Археографический ежегодник за 1958 год». М. 1960, стр. 162—164, 181.

⁹ С. Н. Валк. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века. «Археографический ежегодник за 1958 год», стр. 143, 144.

подхода к тому или иному документу, С. Н. Валк пренебрежительно отзывается об исторических взглядах Болтина, а порой в его отношении к историку XVIII в. проглядывает даже враждебность¹⁰.

Перед нами две точки зрения на И. Н. Болтина и его последнюю работу, взаимно друг друга исключаящие. И если за А. Т. Николаевой стоит авторитет крупнейших историков прошлого, то на стороне С. Н. Валка — определенная традиция, распространяющая свой взгляд не только на Болтина, но и на В. Н. Татищева¹¹, и на А. И. Мусина-Пушкина. Объединение их имен не покажется странным, если вспомнить, как высоко ставил Болтин авторитет Татищева и что развитие Мусина-Пушкина как историка происходило не без значительного влияния Болтина. Все трое были отнюдь не кабинетными учеными, а людьми действия. В той или иной степени каждый из них был «государственным человеком» — Татищев больше, Болтин и Мусин-Пушкин меньше, — но все они смотрели шире своих современников, видели дальше, и их одинаково одушевляла любовь к отечеству, послужившая позднее причиной обвинения их в «тенденциозности» и даже «фальсификации»¹².

Насколько такие обвинения соответствуют действительности? Можно ли верить принципам издания, провозглашенным Болтиным в предисловии? Не фальсифицированы ли те первостепенной важности документы русской истории, подлинники которых исчезли или погибли после издания в огне пожаров? Ответ на эти вопросы можно найти, изучая издание Правды Русской 1792 г., где наиболее полно отразились формы и метод работы «любителей отечественной истории», считавших себя вместе с Болтиным наследниками и последователями Татищева. С другой стороны, для русской историографии не менее важно установить причины, благодаря которым издание 1792 г. получило такую неожиданную оценку и было исключено из поля зрения историков¹³. Повод к этому подал Н. М. Карамзин.

Авторитет издания 1792 г. оставался незыблемым почти четверть века, вплоть до выхода в 1816 г. первых томов «Истории Государства Российского». Правде Русской Н. М. Карамзин посвятил отдельную главу (III главу II тома) своего труда и, кроме того, многочисленные к ней примечания. С этого момента в истории издания 1792 г. наступает период, когда параллельно с критикой изданного текста и методов работы издателей предпринимаются попытки найти и определить оригинал рукописи, использованной Болтиным. В примечаниях к указанному тому Карамзин предупреждал, что он сверил текст Крестининского издания Правды Русской, вышедшей в 1788 г.¹⁴, и «нового издания» (как он всегда именует издание 1792 г.), но что оба они не верны. Основанием для такого суждения послужил найденный Карамзиным древнейший Синодальный список и другой, «также хартейный», который «в библиотеке графа А. И. Мусина-Пушкина есть» и по сличению с которым «в печатном... находятся несправности, большею частию умышленныя, то-есть мнимыя поправки»¹⁵.

Карамзин был введен в заблуждение собственной невнимательностью. Указание издателей 1792 г., что в основу положен «хартейный» список Правды Русской¹⁶ и наличие «хартейного» же списка в библио-

¹⁰ Там же, стр. 145, 146—148.

¹¹ См., например: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л. 1961, стр. 250 и др.

¹² С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века. Ч. 2. Л. 1965, стр. 158.

¹³ Например: В. П. Любимов. Списки Правды Русской. «Правда Русская». Т. 1. М.-Л. 1940, стр. 13, прим. 6 (далее — «Правда Русская, 1940 г.»).

¹⁴ «Продолжение Древней Российской Вифлиофики». Ч. III. СПб. 1788, стр. 16—47.

¹⁵ Н. М. Карамзин. История Государства Российского. Т. II, гл. III, прим. 65.

¹⁶ «Правда Русская, 1792 г.», стр. 1.

теке одного из издателей привели его к мысли о тождестве двух этих списков. Просматривая примечания Карамзина, можно заметить, с каким удивлением он, сличая пергаментный список Мусина-Пушкина с текстом издания 1792 г., почти в каждой статье находит если не прямую ошибку, то разночтение¹⁷.

Сейчас, после работы А. И. Аксенова, посвященной эпистолярному наследию А. И. Мусина-Пушкина¹⁸, где, между прочим, раскрывается история появления Пушкинского списка Правды Русской, приходится пересмотреть вопрос о хорошем знакомстве Карамзина с библиотекой графа в доме на Разгуляе и об их личных отношениях. По-видимому, историограф знал только, что данный пергаментный список принадлежит Мусину-Пушкину; ознакомился же он с ним не у графа, а через П. Бекетова, председателя Общества истории и древностей российских, который и сохранил рукопись во время пожара Москвы. В противном случае граф не преминул бы сообщить Карамзину, что этот пергаментный список Правды Русской не является оригиналом издания 1792 г., а куплен им, Мусиным-Пушкиным, в Ярославле в январе 1812 г., как явствует это из письма его к А. Н. Оленину, где выражено и намерение передать рукопись в Общество для напечатания. Новые данные вместе с датой письма П. Бекетова¹⁹ позволяют утверждать, что рукопись Пушкинского списка попала в новую библиотеку Общества (старая сгорела во время пожара 1812 г.) не в начале 40-х годов XIX в., как указывается в Академическом издании²⁰, а не позднее конца 1813 г., где с ней мог познакомиться Карамзин, не попытавшийся точнее установить ее происхождение. Сам А. И. Мусин-Пушкин, по-видимому, не успел поправить Карамзина: он умер через несколько месяцев после выхода в свет «Истории Государства Российского», 1 февраля 1817 г., в Москве и был похоронен в своем имении Илемна в Ярославской губернии.

Авторитет «Истории Государства Российского» и ее автора оказался настолько велик, что даже К. Ф. Калайдович, взявшийся было за подготовку рукописи к изданию, долгое время склонен был признавать ее за оригинал издания 1792 г. и только впоследствии высказался против такого отождествления²¹. Однако легенда была создана, освящена авторитетами, и первый издатель Пушкинского списка Д. Дубенский в примечаниях к изданию писал: «Кто усумниться, что таинственный пергаментный список... писанный весьма древним почерком, полнейший, им (Болтиным.—А. Н.) изданный, есть этот самый, ныне издаваемый, принадлежащий Императорскому Обществу истории и древностей российских»²². Издание Дубенского было осуществлено на достаточно высоком уровне и показывало все отличие Пушкинского списка от текста 1792 года. Но вместо того, чтобы увидеть разницу, Дубенский утверждал тождество и упрекал Болтина и остальных издателей, названных им поименно, во множестве грехов.

Историю заблуждений и ложных поисков можно подробно не излагать, так как после издания Дубенского ошибка Карамзина для большинства стала очевидной. Следующий и последний шаг сделал Н. В. Калачов. Он сличил различные редакции и списки Правды Русской и обнаружил, что наиболее специфические варианты текста 1792 г.

¹⁷ Н. М. Карамзин. Указ. соч., гл. III, прим. 66—106.

¹⁸ А. И. Аксенов. Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина. «Археологический ежегодник за 1969 год». М. 1971.

¹⁹ Там же, стр. 232.

²⁰ «Правда Русская, 1940 г.», стр. 277.

²¹ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. «Записки и труды Общества истории и древностей российских». Ч. II. М. 1824, стр. 20.

²² «Русские достопамятности». Ч. II. М. 1843, стр. 120—121.

соответствуют вариантам одного только Воскресенского списка²³. Правда, Воскресенский список был бумажным, а не пергаментным, но если предполагать, что издатели не сдержали своего слова и напечатали не один текст, а дополняли его из других списков, то, следовательно, они могли не выполнить и этого своего обещания.

Собственно, на этом и закончилось изучение издания 1792 года. Каждый последующий шаг приводил исследователей к мысли о неточности текста, поскольку он отличался от всех известных списков Правды Русской, а, объясняя расхождение недобросовестностью издателей, критики, естественно, отмечали полное нарушение принципов, объявленных издателями в предисловии. Так, С. Н. Валк пишет: «Болтин обещал в своем предисловии делать оговорки относительно разночтений. Им оговорено, что «ябетник» встречен им только у «Татищева» (так назвал Болтин напечатанный Румовским Академический список с примечаниями Татищева); такие же оговорки о разночтениях сделаны Болтиным еще только в пяти случаях на всем протяжении его издания Правды, хотя их надо было сделать в десятки раз больше, если только принять во внимание все разночтения Академического Краткого и всех Пространных списков»²⁴. Упреки эти не оправданны. Однако дальше Валк приходит к еще более странному заключению: «При таких условиях нельзя удивляться обвинениям Карамзина, что в издании Болтина «находятся неисправности, большею частью умышленные, то-есть мнимые поправки»²⁵.

После пожара 1812 г. начались, как известно, сомнения в «достоверности» Слова о полку Игореве, и скептикам требовалось выставить Мусина-Пушкина невеждой или фальсификатором²⁶. Карамзин своей ошибкой открыл для них возможность обходного маневра. Можно утверждать, что после трагического 1812 г. судьба этих двух изданий (Правды Русской 1792 г. и Слова о полку Игореве 1800 г.) оказывается неразрывно связанной, а та или иная точка зрения исследователей по поводу одного из текстов так или иначе отражается на отношении их к другому. Упрекая Болтина в ошибках, цитировали Карамзина, но обращались уже не к Пушкинскому, а к Воскресенскому списку, подменяя пергаментный — бумажным, древний — поздним. И в то же время, сопоставляя, сравнивая отдельные части текста издания 1792 г., отыскивая «выброшенные» или «вставленные» куски, критики распоряжались текстом 1792 г. с поразительной бесцеремонностью, обвиняя издателей в «антиисторизме» и полностью забывая как о принципах издания, провозглашенных в предисловии к нему, так и об описании оригинала.

Осуществленное И. Н. Болтиным в 1792 г. издание Правды Русской поражает каждого, кто знакомится с ним впервые, своей строгостью и научным изяществом. Издатель не просто издавал и комментировал текст. Как можно видеть из расположения материала, задачей Болтина было максимально облегчить работу читателя с текстом, не только объяснив, сколько можно, самый текст и употребленные в нем специфические термины и выражения, но и вводя читателя в соответственный раздел древней русской истории. Рассматривая последовательно структуру издания, мы видим обстоятельное предисловие, в котором кратко изложены цель издания, его история и принципы, которыми руководствовались издатели. За предисловием следует оглавление, где, кроме указания на страницы, излагается довольно подробно содержание статей.

²³ Н. В. К а л а ч о в. Исследования о Русской Правде. М. 1846.

²⁴ С. Н. В а л к. Указ. соч., стр. 144.

²⁵ Там же, стр. 145.

²⁶ Ср.: Е. В. Б а р с о в. Слово о полку Игореве, как художественный памятник Киевской дружинной Руси. В связи с древнерусскою письменностью и живым народным песенотворчеством. Т. 1. М. 1884, разд. «Критический очерк литературы Слова».

Самый текст Правды Русской разделен на главы и статьи, как можно думать, соответственно киноварным заголовкам или инициалам, характерным для всех списков Пространной редакции. Параллельно тексту оригинала идет толковый перевод, а после статьи — обстоятельные примечания, касающиеся текста, разночтений по другим спискам, значения терминов, выражений или затронутого в данной статье вопроса. Завершается издание подробным указателем слов, названий и предметов, находящихся как в тексте, так и в примечаниях.

Уже одно это показывает, как серьезно относился Болтин к изданию Правды Русской и почему само издание 1792 г. вызывало восхищение у его современников и у крупнейших историков более позднего времени. Принципы, которыми руководствовался в данном случае Болтин, с исчерпывающей полнотой изложены им в предисловии. Учитывая их важность для выяснения рассматриваемого вопроса, приведем этот отрывок, ибо к нему еще не раз придется вернуться. Вот что издатель счел нужным сообщить своим читателям:

«Самый текст законов разсудили мы напечатать в пол страницы церковными буквами, ради лучшаго изображения древних слов и правописания, а против текста, в другом столбце, поставить преложение на нынешнее наречие гражданскими буквами; под каждоюже статьею в низу приложить объяснения и толкования слов вышедших из употребления, дабы Читатель мог удобно смысл текста, по толкованию слов, понимать, и видеть сходно ли с ним зделано нами преложение; и как все то, что напечатано церковными буквами, есть находящееся в древнем рукописном списке издаваемых законов, а напечатанное гражданскими буквами есть сочиненное нами.— Текст законов точно так напечатан как он в рукописи находится, без всякия перемены, не только в словах ниже в одной букве; равно и статьи разделены также как и там, но прибавлены токмо числа главам и статьям для удобнейшего приискания мест, в случае ссылки на них.— Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненные, а в других списках оныя слова находятся, те мы внесли в текст, без всякого усумнения; находящиесяж в других списках отмены в словах и целых речах, показали токмо в примечаниях.— Хотяж в некоторых статьях закона Ярославова и ясно видели мы, что слова или речи перемешаны, то есть задния поставлены на переди а передния на зади, яко в § 1-м название Русин, долженствующее быть на конце речи с прочими находящимися там отечественными названиями, поставлено на переди весьма не к стате; но мы не осмелилися перенести его в приличное ему место, но оставили тут где оно стоит в подлиннике. Приметили мы также, что инде целыя статьи или переставлены с места на другое не по приличию, или одна статья разделена на две, и последняя половина приставлена к другой, что Читатель сам удобно усмотрит; другияж так повреждены от переписок, что о подлинном их смысле должно было доходить догадкою, и с великим трудом, однакож, ни тех ни других отнюдь мы не поправляли»²⁷.

Единственное место, дающее повод к нападкам критики, заключается в следующей фразе: «Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах... а в других списках оныя слова находятся, те мы внесли в текст без всякаго усумнения». Критики объясняют выражение «без всякаго усумнения» как «без оговорок в примечаниях», но заключительная фраза «находящиесяж в других списках отмены в словах и целых речах (то есть разночтения, варианты.— А. Н.), показали токмо в примечаниях» позволяет утверждать, что в примечаниях указаны все изменения в тексте, равно как и все варианты других списков.

²⁷ «Правда Русская, 1792 г.». Предисловие, стр. VI—VII.

К сожалению, гораздо меньшее внимание Болтин уделил описанию рукописи, подготовленной им к изданию, и тех списков, которыми он при этом пользовался. Мы знаем только, что рукопись была пергаментной, создававшей впечатление большей древности, чем остальные, видимо, бумажные; она была наиболее полной по объему текста и писанной «весьма древним почерком»²⁸. Рукопись поступила в Синод после августа 1791 г. из какого-то монастыря, как, по-видимому, и все остальные.

Наиболее важным в оценке текста издания 1792 г. является вопрос о количестве и характере дополнений, которые С. Н. Валк отнес к «разночтениям»²⁹. Тем не менее это две разные вещи. При каждом использовании другого текста Болтин обещал делать соответствующие указания в примечаниях. Действительно, они есть, но их немного: всего два. В первом случае в текст внесено слово, во втором — статья.

В статью первую Болтин внес слово «ябетник» и на стр. 7 в примечании пишет: «Слова сего во всех списках Правды Русской, кроме Татищева печатанного при Академии Наук (теперь список Академический 1, Краткая редакция.— А. Н.), нет, и которое сей достопочтенный муж признает опискою, вместо «обетник»...». Как видно из дальнейшего текста примечания, Болтин решил внести этот термин из печатного списка Правды Русской, так как, по его справедливому мнению, он расширял круг лиц, охваченных статьей. Второй случай подобного рода можно видеть на стр. 98, где под рубрикой «Статья особая» Болтин поместил статью «О муке». Причина такого отличия объяснена в примечании на стр. 99: «Сия статья только в одном списке находится и следует непосредственно под 13-ю статью последняя главы Владимирских законов, а в прочих во всех нет, и для того мы и не причислили ее к главе, а поставили особно».

Никаких других дополнений текста Болтин не указывает. По-видимому, их не было, так как далее мы находим только разночтения, позволяющие определить вид текста оригинала издания 1792 г., а в ряде случаев — и вид списков, которые Болтин использовал для сверки. Количество приведенных разночтений вдвое превышает число, указанное в работе С. Н. Валка.

1. Стр. 18, (статья 9-я): ««сыпати конем на рот», а в других списках «сути на рот», что есть одно и тож»³⁰.

2. Стр. 19, (статья 9-я): ««метальник», а по другим спискам «метельник»».

3. Стр. 47, (статья 49-я): «занеж ему было годе, ял и хранил». «В другом списке: «занеже ему богодеял и хранил». Перьвое кажется правильнее, но то и другое смысла статьи не затмевает».

4. Стр. 65, (статья 64-я): ««лезут», в других списках «налезут», то есть сыщут, поймают».

5. Стр. 71, (статья 74-я): ««сыпати», в других списках «сути», что тож значит».

6. Стр. 79, (статья 86-я): ««детский», а в других местах «детеск», есть пристав».

7. Стр. 79, (статья 87-я): ««любо запа нань будет любо прихожение ношное», а в других списках: «любо ли запа нань будет, ли запа не будет, любо прихожение ношное»».

8. Стр. 85, (статья 98-я): ««задница». Во всех списках слово «задница» поставлено вместо «сстаток», а сие только в одном; но то и другое есть одно и тож, сиречь наследие, наследственное имение».

²⁸ Там же, стр. 1.

²⁹ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 144.

³⁰ Здесь и ниже все примеры приводятся в следующем порядке: порядковый № примера, страница издания 1792 г., № статья по изданию «Правда Русская, 1940 г.», далее — текст примечания Болтина.

9. Стр. 90—91, (статья 107-я): ««пособят». В других списках «помогут», сиречь кого по суду оправят».

Если эти примечания показывают внимательность, с какой Болтин относился к тексту и спискам, отмечая даже незначительные отличия, то следующие два являют пример уважения к тексту рукописи, достойный самых взыскательных археографов. Речь идет об ошибках в тексте.

10. Стр. 22, (статья 13-я): «вратайном». На стр. 23 примечание: «Надо бы писать, следуя правописанию «в ратайном», тоест в земледельческом, ибо «ратай» по Славенски земледелец». Однако Болтин не решает на исправление.

11. Стр. 63, (статья 61-я). К тексту «продаст ли господин закупа обель» Болтин делает примечание: «Здесь не достаёт частицы «за», которая будучи пропущена писцом весь смысл статьи затмевает». Иначе говоря, Болтин читает текст как «продаст ли господин закупа за обель», что отражено лишь в переводе и примечании, но не в самом тексте.

Такое отношение к тексту для Болтина являлось правилом, что можно видеть по трем другим примерам, в примечаниях не отмеченным.

12. Стр. 24, (статья 17-я): в тексте «за кормилучу» — не исправлено, хотя в примечании написано правильно «кормилица».

13. Стр. 53, (статья 53-я): в тексте можно видеть рядом друг с другом два написания одного и того же слова — «возметь» и «возьмет», то есть в первом случае полная форма, а во втором с выносным «т», что связано было в оригинале, по-видимому, с концом строки.

14. Стр. 68, (статья 78-я): сохранена описка писца в отдельном написании «оу видят».

Утверждения С. Н. Валка, что «Болтин по своему разумению соединяет в одно целое разнородные по своему происхождению части текста»³¹, оказывается в вопиющем противоречии как с цитированным предисловием, так и с замечанием Болтина, которое находится на стр. 37—38 издания 1792 г. и касается § XVIII «О своде» (статья 36-я). Вот что он пишет: «Сия статья есть следствие XVI статьи, как ясно смысл и содержание ея показывают, а потому и должна была состоять с нею нераздельно, или непосредственно по ней следовать, но неразумием переписчиков поставлена особе и в месте неприличном». Тем не менее, несмотря на такую уверенность, Болтин только указывает свое мнение в примечаниях и оставляет статью на том же месте, как она стояла в списке. Иными словами, он поступает так же, как в отношении частицы «за» в статье 61-й (см. выше), не позволяя себе ни малейшего изменения текста, как бы он ни был уверен в необходимости такого изменения.

Приведенные примеры свидетельствуют в пользу Болтина. Из его примечаний вырисовывается крайне внимательное отношение этого историка к тексту в целом, к отдельным его частям, даже к буквам и их написанию, как это и было заявлено в предисловии. Вчитываясь в текст издания 1792 г., можно заметить, что ни в одном случае издатель не считал возможным облегчить по своему пониманию чтение фразы, заменить один термин другим, более понятным или уже объясненным. Хорошим тому примером может служить термин «задница», который так защищал Д. Дубенский в своих нападках на издателя³², хотя именно его проще всего было заменить на стр. 89 «сстатком», более понятным, привычным по использованию в предыдущих главах и уже объясненным. Однако и на это Болтин не пошел.

Все эти наблюдения убеждают, что в издании 1792 г. Болтин сохранил текст списка, который был в его руках, со всеми его характерными описками и вариантами. Как уже давно установлено, этот текст Пространной редакции по своим особенностям входит в Карамзинскую

³¹ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 144.

³² «Русские достопамятности». Ч. II, стр. 120—121.

группу списков Правды Русской, соответствует Музейскому виду и в ряде вариантов совпадает с текстом бумажного Воскресенского списка, с которым его пытались идентифицировать.

Привлечение списков Музейского вида, в том числе и самого Воскресенского списка, при подготовке издания 1792 г. можно установить (или отвергнуть), изучив указанные в примечаниях разночтения и сравнив текст Болтина с другими известными списками Правды Русской. На присутствие списков Музейского вида³³ указывают разночтения 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9 нашей нумерации и статья «О муке». Специфический вариант только Воскресенского списка находится в №№ 3 и 7. Иное соотношение в вариантах к указанным местам. Так, варианты 3 и 7 имеются только в Музейском II, а вариант 4 во всех списках Музейского вида, кроме Воскресенского и Воронцовского. Перечень совпадений вариантов текста издания 1792 г. и только Воскресенского списка можно продолжить, но их не так уж много:

Стр. 11, (статья 5-я): «но платити им вообще».

Стр. 40, (статья 38-я): «вести по конам».

Стр. 56, (статья 55-я): «инаго города».

Стр. 66, (статья 66-я): «то по нужи на...»

Стр. 97, (статья 119-я): «добудет товара».

На этом совпадения кончаются. Характерно, что при подобном сличении текстов отмечается гораздо больше разночтений, которые не могут быть объяснены редакционной работой издателя 1792 г., даже если допустить его полный произвол, или ошибками наборщика, а являются признаками, характеризующими индивидуальные особенности рукописи, на которую пал выбор при подготовке издания текста.

Издание 1792 года

Воскресенский список

страница

статья

16 «а се поклоны вирные»	9 «а се покони вирныя» * ³⁴
17 «а в среду резана»	9 «а в середу коуна» *
21 «а перекладная»	10 «а переди ссадная»
30 «тылеснею»	25 «тылесницею» *
45 «3 ногаты»	45 «6 ногат» * (за коровье млеко)
68 «им же ловлено»	69—70 «им же явлено» *
81 «О ССТАТКЕ СМЕРДИИ, ТАК ЖЕ И О БОЯРСКИХ ССТАТКАХ И О ЛЮДСКИХ»	90 «О смердии състатке»
89 «Аще братия растяжуются о заднице...»	108 «Аще братя ростяжуются о статке...»
93 «а заповесть»	112 «а заповедати»
98 «а побегнет»	121 «а побезит» *
98 «80 ногать»	«о муце»: «8 ногать»

Весьма показательно, что разночтения текста издания 1792 г. в большинстве своем связываются не только с Воскресенским списком, но и со всеми списками Музейского вида за некоторыми исключениями, что указывает на возникновение Болтинского списка ранее общего про-

³³ В дальнейшем все ссылки на тексты списков Правды Русской приводятся по изданию «Правда Русская, 1940 г.».

³⁴ Звездочкой обозначены варианты, присущие всем без исключения спискам Музейского вида.

тографа известных нам списков Музейского вида. Сравнивая приводимые примеры, можно видеть, что написание слов в тексте издания 1792 г. в ряде случаев не проясняет, а затемняет смысл по сравнению с таким же местом Воскресенского и других Музейских списков. Уже одно это должно было вселить сомнение в ту интерпретацию «метода работы» Болтина, которую защищает С. Н. Валк. Однако, поскольку мнение это было высказано в печати в категорической форме, следует рассмотреть текст издания 1792 г. еще с одной стороны — со стороны его формальной структуры.

Все списки Правды Русской Пространной редакции имеют традиционное для каждого вида членение на главы, по большей части с заголовками, писанными киншварью или прописными буквами в начале абзаца или отмеченными каким-либо иным способом. Некоторые виды отличаются еще делением на две неравные части — на «суд Ярослава» и на «устав Владимира», за соблюдение чего Болтина упрекал еще Карамзин, считавший такое деление «ошибкой»³⁵. Подобное деление на главы (вернее, на абзацы, так как глав меньше) не совпадает с общепринятым делением всего текста на статьи³⁶, но, являясь своего рода «жесткой конструкцией» для каждого вида, позволяет сравнивать между собой списки разных видов и служит добавочным археографическим признаком.

Критики издания 1792 г., предположив полный произвол Болтина в отношении текста и его структуры, забыли о примечании издателя на стр. 37—38 (см. выше) и, указав на Воскресенский список как на оригинал издания, не попытались сверить их формальную структуру. В том, что структура изданного текста осталась в своем первоначальном виде, убеждает не только все вышеизложенное, но и характерные заголовки глав, вынесенные над текстом, и членение на «статьи», являющиеся абзацами с начальной прописной буквой. Подобная сверка структур, полагаем, привела бы критиков к несколько иным заключениям. Так, при сравнении структуры Воскресенского, а вместе с ним и всех Музейских списков со структурой текста издания 1792 г. наиболее существенные отличия в членении и объединении выявляются в статьях 7—8, 20—28, 30—31, 59—65, 71—73, 98—106 (по изданию 1940 года). Это составляет 32 статьи — четвертую часть всего объема Правды Русской. Различие заключается в группировке статей, в их заголовках, абзацах и т. п., иначе говоря, в той структуре текста, которая меньше всего страдала от произвола переписчика, оставаясь, как правило, неизменной.

Приходится пожалеть, что С. Н. Валк, демонстрируя «ограниченность» и «антиисторизм» Болтина, который, по его мнению, полагал, что «списки Русской Правды различаются отнюдь не по своему происхождению и различному отсюда значению»³⁷, не сформулировал четко и точно свою точку зрения на задачи, поставленные Болтиным в издании 1792 г. (если задачи, объявленные в предисловии, С. Н. Валк квалифицирует как не соответствующие действительности). Вместо этого С. Н. Валк ограничился утверждением, что с помощью вивисекций над текстами Болтин дополнял и улучшал текст Правды Русской. Этот единственно возможный вывод, напрашивающийся из работы С. Н. Валка, оказывается наиболее уязвимым. Уже первый опыт со статьей 1-й убедил его, что Болтин, по-видимому, не только «обогащал» текст за счет других списков, но и «изымал» из него небходимейшие части. С. Н. Валка удивило, что Болтин «опустил» часть перечня «аще ли будет князь мужь, или тивун князь, или тивуна княжа», прибавил «ябетника» и выбросил «горожанина», имеющегося во всех списках Карам-

³⁵ Н. М. Карамзин. Указ. соч., гл. III, прим. 65.

³⁶ По изданию «Правда Русская, 1940 г.».

³⁷ С. Н. Валк. Указ. соч., стр. 150.

зинской группы»³⁸. Но дальнейшие сравнения с Воскресенским списком должны были это удивление усугубить. Наряду с разночтениями и выпадением незначительных слов в главе «О мече» издания 1792 г.³⁹ отсутствует фраза «или нос оутнет», имеющаяся во всех списках Музейского вида в статье 27-й. Далее, совершенно невероятно исчезновение из текста издания 1792 г. 16 статей о приплоде скота, зерна, стоимости труда, содержащих ценнейший материал не только по экономике феодального хозяйства, но и о ценах, соотношении денежных единиц, исчислении «натурального» процента⁴⁰. Ни И. Н. Болтин, ни А. И. Мусин-Пушкин, столь живо интересовавшиеся именно такими данными, специально занимавшиеся монетной системой и финансами древней Руси, не прошли бы мимо подобного материала, использовав его хотя бы в примечаниях. Тем не менее статьи эти оказываются неизвестны Мусину-Пушкину даже много позднее, и только Карамзин впервые публикует их по списку «летописи Засецкого» и списку Правды Русской Горюшкина в примечаниях ко второму тому «Истории Государства Российского»⁴¹. Точно так же невозможно предположить, чтобы Болтин отказался от устава «О городьских мостех», имеющегося во всех известных списках Музейского вида, кроме двух — Музейского II и Ундольского II⁴². Это тем более показательно, что в примечании к слову «изгой» статьи 1-й Болтин показывает свое знакомство с этим «уставом», но называет его «росписанием городским», известным ему по списку в Псковской летописи, «имеющейся в библиотеке у одного из наших соотечественников древности любителя»⁴³ (по-видимому, А. И. Мусина-Пушкина). Можно с уверенностью утверждать, что, встретив этот устав в составе хотя бы одного из списков Правды Русской, Болтин не поколебался бы внести его в издаваемый текст с такими же оговорками в примечаниях, как это сделано было со статьей «О муке».

Как можно видеть, изданный в 1792 г. И. Н. Болтиным текст Правды Русской имеет много общего с некоторыми текстами Карамзинской группы, однако ни с одним из известных сейчас списков идентифицирован быть не может. По-видимому, оригинал исчез довольно рано, и его поиски в рукописных собраниях и книгохранилищах представляются если не бесполезными, то малообнадеживающими. Равным образом он мог сгореть в пожаре 1812 г., вернуться в место своего первоначального хранения после 1792 г., затеряться среди бумаг Екатерины II, быть украденным, вывезенным за границу и т. п. Однако его отсутствие не дает еще права сомневаться в его существовании.

Наблюдения над формальной структурой памятника, над составом статей и вариантами текста приводят к заключению, что Болтинский список наиболее близок Музейскому виду, в частности Воскресенскому списку, но гораздо старше последнего и вряд ли имеет с ним общий протограф. На это указывают пропуски статей о приплоде скота, устава «о городьских мостех» и статьи «О муке». Отсутствие описания рукописи, в которой находился Болтинский список Правды Русской, лишает возможности определить заказчика или обстоятельства ее составления, что помогло бы в объяснении некоторых частных, например, большой грамотности текста⁴⁴. Так, обращает внимание преимущественное упот-

³⁸ Там же, стр. 144.

³⁹ «Правда Русская, 1792 г.», стр. 30.

⁴⁰ «Правда Русская, 1940 г.», стр. 377—380.

⁴¹ И. М. Карамзин. Указ. соч., гл. III, прим. 79.

⁴² «Правда Русская, 1940 г.», стр. 390.

⁴³ «Правда Русская, 1792 г.», стр. 8—9.

⁴⁴ Последнее можно было бы объяснить правкой Болтина, поскольку задачей его было издание не памятника древней письменности, а памятника древнего права. Однако этому противоречат как предисловие и примечания на стр. 22 и 63 издания 1792 г., так и сохранение описок на стр. 24, 53 и 60 (см. выше); исправность же изданного текста естественнее объяснить исправностью оригинала.

ребление «ука» с сохранением «оу» в начале слов; паерок употребляется редко, исключительно с предлогами⁴⁵. Единственный случай⁴⁶ указывает на употребление выноса букв, однако использование церковнославянского шрифта для наиболее точной передачи текста заставляет признать отсутствие сокращений характерным для текста оригинала. С этими наблюдениями хорошо согласуется полногласие форм, показывающих, что при создании Болтинского списка в нем еще не отразилось югославянское влияние, столь заметное уже в памятниках письменности первой половины XV века⁴⁷. Таким образом, предварительной датой Болтинского списка Правды Русской следует считать середину или вторую половину XIV века.

Готовя текст рукописи к изданию, Болтин сверял его с пятью другими рукописными списками, указывая в примечаниях наиболее значительные разночтения. Они помогают установить имевшиеся в распоряжении Болтина виды списков, но, к сожалению, ни одного из самих списков опознать не удалось:

1. Вариант «сути на рот» (статья 9-я), так же как и форма «сути» (статья 74-я) встречены только в списках Оболенско-Карамзинского вида⁴⁸.

2. Вариант «метельник» (статья 9-я), как и основное «метальник», везде показан с паерком, заменяющим букву «ь». В таком виде вариант имеется в Новгородско-Софийском списке⁴⁹.

3. Вариант «занеже ему богодеял и хранил» (статья 49-я) соответствует списку Музейскому II, тогда как изданный текст совпадает с вариантом Воскресенского списка⁵⁰.

4. Вариант «налезут» (статья 64-я) имеется во всех списках Музейского вида, кроме списков Воскресенского и Воронцовского⁵¹.

5. Варианта «детеск» (статья 86-я) нет ни в одном списке Музейского вида и ни в одном из списков Правды Русской, включенных в издание 1940 года⁵².

6. Вариант «любо ли запа нань будет, ли запа не будет, любо прихождение ношное» (статья 87-я) отвечает чтению единственно Музейского II списка⁵³ и отсутствует во всех других известных⁵⁴.

7. Любопытно указание Болтина, что слово «сстаток» (статья 98-я) имеется только в одном этом, то есть издаваемом им списке, тогда как теперь мы знаем, что в данном месте оно имеется во всех списках Музейского вида, но нигде больше⁵⁵.

8. Вариант «помогут» (статья 107-я) характерен для большинства списков Музейского вида, кроме Музейского II⁵⁶.

Разночтения и варианты позволяют утверждать, что при подготовке издания 1792 г. в руках у Болтина, кроме печатных, были рукописные списки двух видов Пространной редакции: вид Оболенско-Карамзинский с характерными для его протографа формами «сути» вместо «сыпати» и Музейский вид, к которому был близок и оригинальный Болтинский текст. Сопоставления вариантов внутри списков Музейского вида, приведенные выше, показывают, что большинство совпадений с Воскресенским списком приходится на долю оригинала, в то время как варианты указы-

⁴⁵ «Правда Русская, 1792 г.», стр. 11, 24, 26, 42, 46.

⁴⁶ Там же, стр. 53.

⁴⁷ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М. 1967, стр. 129—132.

⁴⁸ «Правда Русская, 1940 г.», стр. 348 и 356.

⁴⁹ Там же, стр. 149.

⁵⁰ Там же, стр. 377.

⁵¹ Там же, стр. 382.

⁵² Там же, стр. 471.

⁵³ Там же, стр. 385.

⁵⁴ Там же, стр. 475.

⁵⁵ Там же, стр. 386 и 499.

⁵⁶ Там же, стр. 388.

вают на знакомство с Музейским II списком. По-видимому, существовал общий или два близких протографа для Болтинского и списков Музейского вида; возможно, что сам Болтинский список явился протографом для списка Воскресенского, дополненного по другим. Однако от предположения, что Музейский II список или Воскресенский находились в руках у Болтина при подготовке издания 1792 г., приходится отказаться. Основанием служит отсутствие даже упоминания об «экономических» статьях, мимо которых не мог пройти Болтин.

Таким образом, текст издания 1792 г. является точным печатным текстом Болтинского списка Правды Русской, при подготовке которого были привлечены неизвестные нам списки Оболенско-Карамзинского и Музейского вида, причем один из списков являлся непосредственным протографом списка Музейского II в его «канонической» форме.

Анализ работы Болтина с текстом еще раз подтвердил высокие требования, предъявлявшиеся русскими археографами конца XVIII в. к изданию древних памятников, высокую точность передачи индивидуальных особенностей списка и критического анализа рукописи — всего того, что получило дальнейшее развитие в русской археографии XIX века. Можно надеяться, что теперь исследователи Правды Русской вновь обратят внимание на Болтинский ее список в издании 1792 г., потому что он заслуживает более глубокого изучения. Это будет наилучшей данью уважения к трудам и заслугам выдающегося историка и археографа XVIII в. И. Н. Болтина.